

Советская литературная общественность отмечает в эти дни столетие со дня рождения Катаринны Сусанны Причард, выдающейся австралийской писательницы, общественного деятеля и борца за мир. Этому событию был посвящен вечер во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы.

Выдающаяся австралийская писательница Катарина Сусанна Причард (1883—1969) — одна из создателей австралийского романа, новеллиста, драматурга, публициста. Ее произведения широко известны в переводах на русский и другие языки народов СССР: трилогия «Девяностые годы», «Золотые мели» и «Крылатые семена» — обширное историческое полотно, романы «Погонщик воллов», «Нунард» и «Негасимое пламя», автобиографическая книга «Цитя урагана», повесть «Сеяла Хэн лебеду», многочисленные рассказы.

Очерки Причард «Подлинная Россия» (1934) — одно из свидетельств того, с каким душевным подъемом встретила писательница рождение нового общества. Сделав свой выбор в борьбе идей и классов, Причард приняла активное участие в создании в 1920 году партии австралийских коммунистов и до конца дней оставалась верной коммунистическим идеалам, убежденным интернационалистом, другом Советского Союза.

С именем Причард связаны первые достижения социалистического реализма в литературе Австралии. Эстетический принцип утверждения бытия «как деяния, как творчества» был «новой и революционной идеей для писателей капиталистических стран», писала Причард.

Катарина Сусанна ПРИЧАРД

НАЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА

Разделяя горьковскую концепцию реалистического искусства, она отстаивала ее в полемике с буржуазной критикой. И тогда, как сейчас, прогрессивных художников обвиняли в «пропаганде». Поэтому слова австралийской писательницы звучат по-прежнему актуально, хотя написаны были сорок с лишним лет назад. Публикуемый отрывок взят нами из книги публицистики и критики К. С. Причард «Откровенно слева» (1982 г.), составленной австралийским драматургом Риком Тросселом, сыном писательницы.

ДЛЯ ЧЕГО я пишу? Трудно сказать. Я пишу с детских лет. Вначале, возможно, просто была потребность запечатлеть для себя самой какую-нибудь сцену или происшествие — то, что понравилось, пробудило жалость, заставило задуматься. Когда я стала старше, мне захотелось, чтобы и другие оценили красоту и внутреннюю сущность того, что полюбила я, вместе со мной увидели великолепные качества простых людей. Меня увлекала суровая и деятельная жизнь сельского люда с ее героизмом и романтикой. В последнее время, однако, я начала понимать, что сельская жизнь частенько служит своего рода прибежищем для писателей, которые чураются неприглядных сторон жизни городской, отказываясь признать, что и здесь борьба за существование рождает героизм и высокую романтику.

Уяснив, что «жизнь прочно покоится на физическом базисе бытия», а базис определяется экономикой, я научилась распознавать всеобщее в его индивидуальных и национальных проявлениях. Мой взгляд на мир углублял и укреплял мое инстинктивное представление о писателе как о выразителе высших истин — человеке с искрой протеева огня, исполненном сочувствия и горячей любви ко всему человечеству, который способствует осуществлению творческих потенций людей и их совершенствованию, то есть движению вперед.

Как писатель доносит свою мысль? Или непосредственно излагая факты, или косвенным путем, пытаюсь воссоздать миропорядок через жизнь группы людей, ограниченную местом и вре-

менем. Косвенным методом и пользуюсь художественная литература, дабы романом или рассказом расшевелить воображение читателя и открыть ему истинные ценности жизни. Но при этом писателю нельзя изменять материалу. Всколыхнет чувства и разум читателя лишь то, что возникнет перед ним живое, а не проповедь, не очевидность пропагандистской цели.

Собственно, все великие произведения литературы можно назвать пропагандистскими. Ведь они властвуют над сознанием читателя, в них — ум писателя, его интерпретация жизни. Но попробуйте навязать произведению пропагандистскую цель — и вы ее не достигнете.

Любой серьезный писатель видит свою задачу в том, чтобы читатель осознал глубинные источники разочарования и трагедии и сказал себе: «Да, такова жизнь. Но я-то что думаю об этом? Как помочь горю?»

На мой взгляд, говорить о пропаганде применительно к писателю — значит говорить о методе. Как личность, как очеркист, оратор, репортер, писатель может открыто и громогласно выражать свои пристрастия. Он может непосредственно звать к чувствам и разуму аудитории. Как романист, он озабочен тем, чтобы показать реакции других людей, а не свои собственные, на опыт и обстоятельства их жизни, и, следовательно, прибегает к косвенному методу — приводит, так сказать, косвенные доказательства, а выводы предоставляет сделать благосклонному читателю. Нет сомнения, что, выбирая героев и тему произведения, писатель уже высказывает

предпочтение и персонажи его действуют в соответствии с той интерпретацией окружающей среды, что дана им.

Д. Г. Лоуренс утверждает, что «мораль в романе — это трепетная неустойчивость равновесия. Когда романист нажимает пальцем на чашу весов, чтобы перевес оказался на стороне его взглядов, он поступает безнравственно». По-моему, это нелепица: каждый роман, достойный внимания, хранит отпечаток пальца гончара. И романы Д. Г. Лоуренса — не исключение из правила.

«Искусство для искусства» превращается в словесную погремушку, которая тешит самолюбие бескрылых ремесленников: они умеют играть орудиями выражения, но слишком бесчувственны или ограничены в своих возможностях, чтобы проникнуть в глубины насущного знания. Искусство, я полагаю, — открытие человеческого величия в самом способе выражения, притом сделанное во имя человечества.

Литература как самовыражение? Вряд ли это достаточный повод для творчества. В конце концов «я» — пылится в океане бытия. Но стремление «я» к единству с всеобщим потоком явилось творческим импульсом, сознательным или неосознанным, для многих писателей — отождествление себя с жизненной силой, на протяжении веков движущей людьми.

Похоже, именно так дело обстоит и со мной, и по этой причине я не могу удовлетвориться выражением собственной личности, и только. Я испытываю настоятельную потребность раскрывать жизнь моей эпохи и моего народа в главном — в борьбе за существование и организацию социальной системы, которая даст возможность людям быть красивыми, сильными умом и телом, вооруженными знаниями, и наслаждаться всеми плодами духовного расцвета.

Вступление и перевод
А. ПЕТРИКОВСКОЙ